

УДК 130.2:616.89

**ФИЛОСОФСКО–МЕДИЦИНСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
ИНКЛЮЗИВНОГО ЧЕЛОВЕКА****PHILOSOPHICAL AND HUMAN HEALTH PROBLEMS OF INCLUSIVE**©**Яковлева Е. Л.***д-р филос. наук, канд. культурологии**Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова**г. Казань, Россия, mifoigra@mail.ru*©**Iakovleva E.***Dr. habil.**Timiryasov Kazan Innovation University**Kazan, Russia, mifoigra@mail.ru*©**Иванова О. Н.***Международный аэропорт «Казань»**г. Казань, Россия, zoloto.ivolga2888@mail.ru*©**Ivanova O.***International airport "Kazan"**Kazan, Russia, zoloto.ivolga2888@mail.ru*

Аннотация. Объектом исследования становится современное социальное, в котором, ввиду появления огромного количества нетипичных людей, распространяется инклюзивная среда, требующая к себе особого внимания. Главной фигурой данной среды становится инклюзивный человек, что заставляет исследовать феномен с различных позиций, в том числе, философских и медицинских. Среди основных методов представленного исследования — феноменологический, герменевтический, сравнительный и аналитический.

В процессе анализа было выявлено, что сегодня возникает необходимость трактовать инклюзивного человека не в узком смысле, как имеющего определенные отклонения от нормы, в первую очередь, медицинской, а в широком, игнорируя критерии нормы и патологии. Понимание «нормы» в современности трансформируется. Подходя к инклюзивной среде с точки зрения медицины, выявляется, что в современности граница между нормой и патологией оказывается размытой, в результате их диалектического взаимопроникновения друг в друга. В социальном все чаще наблюдается отклонение от идеального состояния, что приводит к кризисности его бытия. В результате в современном обществе рождается особая, самоорганизующая инклюзивная среда, внутри которой снимается противоречие между нормой и патологией, где в качестве главной нормы поддержания инклюзивного пространства выступает этичность. Инклюзивный человек — личность с сохранным интеллектом, активно включающаяся в жизнь и проявляющая себя в ней. Главные качества инклюзивного человека — это *воля к включенной жизни и желание быть-в-бытии*, что должно формироваться в системе воспитания и образования.

Результаты проведенного исследования можно использовать в научно-исследовательской и педагогической деятельности при изучении современного социального и его инклюзивной среды.

Abstract. The object of research is becoming a modern social, in which, due to the emergence of a huge number of unusual people apply an inclusive environment that requires special attention. The principal figure of the medium becomes an inclusive people, which makes investigate the phenomenon from different perspectives, including philosophical and medical. Among the methods of the present study—phenomenological, hermeneutic, comparative and analytical.

The analysis revealed that today it is necessary to interpret not inclusive of human in the narrow sense, as having certain abnormalities, primarily medical, and a wide, ignoring normal and pathological criteria. Understanding the “norm” in the present it is transformed. Coming to an inclusive environment in terms of medicine, revealed that in the present boundary between normality and pathology is blurred, as a result of the dialectical interpenetration of each other. Socially, increasingly there is a deviation from the ideal state, which leads to a crisis of its existence. As a result, in today’s society is born a special, self-organizing inclusive environment within which the contradiction between normality and pathology, where the main rules for the inclusive space acts ethically. Inclusive person—a person with a safe intelligence, actively involved in the life and manifests itself in it. The main quality of inclusive human — it is the will to life and included the desire to be-in-being that should be formed in the system of education and training.

The results of the study can be used in research and teaching activities in the study of modern social and inclusive environment.

Ключевые слова: инклюзивный человек, инклюзия, эксклюзия, норма, патология.

Keywords: inclusive person, inclusion, exclusion, norm, pathology.

Человек — главная тема и центральная проблема всех научных, педагогических, философских, медицинских и иных изысканий. С глубокой древности человек как проблема волновал лучшие умы человечества, актуализируясь в XX–XXI веках. Парадокс заключается в том, что «сегодня о человеке мы знаем вряд ли больше, чем две с половиной тысячи назад, когда была сформулирована исследовательская и жизненная установка: „Познай самого себя“» [1, с. 87]. Сегодня на смену *Homo sapiens* (человек разумный) приходит *Homo inclusive* (человек инклюзивный), что рождает множество вопросов: кто такой инклюзивный человек? Какие черты/качества делают его инклюзивным? Чем инклюзивный человек отличается от человека?

Если обратиться к переводу слов «инклюзия»/«инклюзивный», то в них обычно выделяют такой ключевой параметр как *включенность* (от *inclusion* — включение, вкрапление, присоединение). Для понимания этого качества обратимся к помощи словаря русского языка, согласно которому «1. включать — иметь своей составной частью; охватывать; 2. включить — ввести, внести в состав, в число кого-, чего-либо; 3. включиться — стать участником чего-либо, войти во что-либо, присоединиться к чему-либо; 4. включение — то, что включено, инородная частица; вкрапление» [Цит. по: 2, с. 17]. Исходя из приведенных значений, сделаем предварительный вывод: включенность предполагает *приобщенность / заинтересованность / причастность*, с одной стороны, иных / непохожих к определенной группе; с другой стороны, каждого к бытию вообще (космоса / окружающего мира / социума / группы), что влечет за собой — *соотнесение* себя как части к целому / мирозданию. Здесь мы подходим к такой философской категории как *включенность в бытие*, разработанной М. Хайдеггером. В своем философском трактате «Бытие и время» он пишет, что это — «формальное экзистенциальное выражение для бытия «существования», которое раскрывает основное понимание бытия в мире. Бытие существования в мире в своей фактичности уже давно расплылось между отдельными способами включенности в бытие или вовсе распалось. Эти способы включенности в бытие имеют бытийный вид озабоченности» [3, с. 21]. Необходимо заметить, *включенность в бытие* осуществляется даже в рамках повседневного опыта, требующего рефлексивности, потому что именно повседневный опыт формирует самобытность и неповторимость индивидуального, выступая в качестве духовного самосовершенствования и показателя уровня его культуры.

Проявляя свою *озабоченность бытием*, человек являет собой думающего субъекта, задающего смысл своему существованию, ставящего перед собой цели и ищущего пути их достижения. Озабоченность бытием говорит о включенности, связанном

с интенциональностью. Сама интенция (в переводе с латинского *intentio* — *стремление, намерение*) характеризуется направленностью сознания на определенную цель, что говорит о волевой способности к упорядочиванию и сопряжено со вниманием (по А. Блаженному, *animi intentio* — внимание ума). Во всех аналитических размышлениях по поводу интенциональности мы обнаруживаем такое свойство как *направленность*, что акцентирует аспект *заинтересованности / желательности / селективности*, тем самым высвечивая субъективный фактор *включенности в бытие*.

Анализируя инклюзивность как включенность, подразумевающую интенциональность, мы подходим к проблеме *отзвука* и *отклика*. Как замечает Г. Башляр в «Поэтике пространства», «отзвуки распространяются в различных аспектах нашей жизни в этом мире, а отклик призывает нас задуматься о глубине нашей внутренней жизни» [4, с. 14]. Посредством отзвука мы входим в бытие, а с помощью отклика — «даем ему наш голос», тем самым делая бытие своим, то есть «отклик подменяет одно бытие другим» вследствие захваченности человека происходящим [4, с. 14]. Именно отклик дает дополнительные импульсы отзвука, обогащая бытийный опыт личности и логос о нем. Каждое мгновение бытия инклюзивного человека затрагивает его, заставляя сопереживать и соучаствовать / *соучаствовать*, тем самым выводя за рамки пассивного созерцания.

Включенности в бытие противостоит категория *невключенности / выключенности из бытия*, связанной с отчужденностью / отрешенностью / пассивностью, вследствие чего жизнь пускается на самотек, отдаваясь во власть внешних обстоятельств. Невключенность в бытие предполагает рассеянность внимания, негатив ситуации рутины, где «никогда ничего не происходит», влекущие за собой скуку и атрофию желаний исправить сложившееся положение дел.

Если соотносить понятия *инклюзивности* и *экслюзивности*, то здесь обнаруживается определенная двойственность, что задается пониманием самого слова *экслюзия*, в переводе с латинского (*exclusio*) обозначающего *исключение*. С одной стороны, экслюзивность подразумевает *исключение* из социальной среды, что противоположно инклюзивности, связанной с включенностью. В подобном понимании экслюзивность обрекает человека на трагедию, связанную с изоляцией / одиночеством / непонятностью / неприятием. С другой стороны, экслюзивность как *исключение из правил / отступление от общепринятого* подчеркивает Другость личности на фоне социальной безличности. Подобная экслюзивность содержит в себе потенции к насыщенной инклюзивности, что служит точкой пересечения понятий, подразумевающих друг друга. Более того, инклюзивный человек, проявляющий свои интенции, ярко индивидуален. Его стиль проявляется в мышлении, умении выражать мысли (нередко — неординарные), создавая неповторимый шарм. В этом отношении *индивидуальность инклюзивного человека*, связанная с креативностью, элитностью, исключительностью, подчеркнутой авторской позицией, заявляет об его *экслюзивности* как неповторимости и самобытности.

Выстроим цепочку проанализированных слов с их значениями:

ИНКЛЮЗИЯ — НЕИНКЛЮЗИЯ — ЭКСКЛЮЗИЯ
ИНКЛЮЗИВНЫЙ — НЕИНКЛЮЗИВНЫЙ — ЭКСКЛЮЗИВНЫЙ
ВКЛЮЧЕНИЕ — НЕВКЛЮЧЕНИЕ — ИСКЛЮЧЕНИЕ
ВКЛЮЧЕННЫЙ — НЕВКЛЮЧЕННЫЙ — ИСКЛЮЧЕННЫЙ.

Если обратиться к русскому варианту слов *инклюзия* и *инклюзивный* — *включение* и *включенный*, то в своем составе они содержат слово *ключ*, что становится принципиально важным акцентом в рамках нашего рассуждения. Это одновременно знак, задающий высоту звучания; водный источник, бьющий из земли; камень, замыкающий собою свод сооружения; инструмент для закрывания / открывания чего-либо (своеобразный код / подход); приспособление для приведения в действие какого-либо механизма; понимание разгадки. Многозначность слова *ключ* имеет непосредственное отношение к *инклюзивности* как *включенности в бытие*. Так, включение подразумевает *быть в ключе*, невключение — *быть не в ключе*, исключение — *быть из (без / вне) ключа*. При этом

на *исключении* остановимся подробнее, ввиду его двойственности в контексте инклюзивности. С одной стороны, эксклюзивность олицетворяет *изгнанность из ключа / изоляцию от ключа*, но, возможно, изначальную *причастность к нему*. С другой стороны, эксклюзивность олицетворяет выходца *из ключа*, стоящего на более высокой ступени, приобщенному к глубинным тайнам/ключам мироздания.

Увеличивающееся с каждым годом количество Других / нетипичных людей способствует формированию и распространению *инклюзивной модели культуры*. Инклюзия представляет собой *синергичное пространство*, не замыкающееся только в своей среде. Это — открытая социальная система, встроенная в общество и расширяющаяся в нем, в связи с ростом числа Других (нетипичных / особых) людей. Синергичность инклюзии проявляется в том, что в ней взаимодействуют различные люди: обучаемые и их родители / опекуны, обладающие противоположными психологическими / конфессиональными / национальными / интеллектуальными и другими особенностями, высококвалифицированные преподаватели как специалисты многообразных наук, психологи и врачи, осуществляющие контроль за положительной динамикой процесса и корректирующие негативные моменты взаимодействия, а также органы власти (в том числе, министерство образования, органы управления и др.). Присутствующая в инклюзивном пространстве *разнородность* и *неоднородность* выступают как *показатель разнообразия*, стимулирующего множество процессов, в том числе неравновесных состояний и процессов, потребность к спонтанности и проявлению креативности. Все перечисленное создает предпосылки к развитию, что важно не только в образовании, различных сферах и областях социального, но и для самовыражения самой личности.

Суммирующий вклад всех участников, их знания, компетенции, умения, усилия и желание помочь в геометрической прогрессии увеличивают положительную динамику инклюзивного процесса: она значительно превосходит эффект отдельных компонентов, очередной раз доказывая народную мудрость «один в поле не воин». Взаимопомощь внутри инклюзивного пространства является обязательным условием, содействуя всем участникам в проявлении себя как искусстве *Быть* и осуществлении дальнейшего развития / саморазвития.

Перечисленное актуализирует *междисциплинарность подхода* к сложному феномену и процессу инклюзивного образования / инклюзивной среды / инклюзивной системы, изучать который должны совместно философы, культурологи, социологи, педагоги, психологи, медики и другие. В рамках этого подхода необходимо выработать множество концепций и теорий со своими методами, приемами и принципами обучения / социализации / адаптации Других / нетипичных людей, учитывающих их своеобразие/особость, разнородность потенциалов и закрепленных на государственном уровне в виде гибкой политики в системе образования, воспитания и трудоустройства. Как нам кажется, именно лояльное законодательство, связанное с инклюзивным пространством и учитывающее особые потребности людей, поможет преодолеть многие бюрократические препятствия, существующие сегодня в российском обществе и связанные, например, с получением инвалидности или его ежегодным подтверждением, сопровождаемым сбором огромного количества документов в структурах, не согласованных между собой.

Если подходить к инклюзивным людям с точки зрения медицины, то мы сталкиваемся с проблемой «нормы» и «патологии» в современном обществе.

Норма (лат. *norma* — требование, правило, образец) представляет собой установленный эталон или стандарт для *оценки* существующих и создания новых объектов. К норме принято относить общепризнанные правила / образцы поведения / стандарты деятельности, благодаря которым осуществляется структурность и порядок организации, дающие возможность осуществлять контроль. Наиболее известная область применения нормы — медицинский диагноз. Однако процессы, происходящие сегодня в природе и обществе, привели к трансформациям человека и состояния его здоровья, в результате чего *норма* стала неадекватным критерием диагностирования. Распространяющаяся инклюзивная модель

культуры повлияла на то, что в последнее время появилась концепция, согласно которой норма как общее / закономерное отрицается в рамках единичного / индивидуального. С точки зрения медицины, данное положение обосновывается тем, что патологические процессы внутренне присущи каждому организму, неслучайно норма и патология находятся в рамках единого качественного состояния — биологической жизни. Однако каждое из этих состояний имеет свою качественную специфику.

Обратимся к пониманию слова «патология» (греч. *pathos* — страдание, *genesis* — учение). Как правило, оно употребляется в трех основных смыслах: болезнь отдельного человека, один из видов его болезни и отражение одного из ненормальных биосоциальных процессов. Сегодня человечество столкнулось с новой проблемой: является ли патология новым качеством человека? Каких людей можно считать нормальными, если само понятие нормы оказывается относительным? Современные показатели здоровья населения все больше отклоняются от нормы, а патологичность приобретает достаточно большой размах.

Известный факт: гениальность человека воплощает собой патологическое состояние, выражаемое формулой «гениальность = безумие», о чем неоднократно писали психологи и медики. Вспомним, *теорию транснаормальности*, согласно которой причины гениальности связаны с различными аномалиями и отклонениями от нормы (физической, психической, личностной и/или социальной), проявляющими себя в эксцентричности, неординарных поступках, неврозах, душевных болезнях / безумии, творческих воплощениях и размышлениях. Очень часто гениальные люди страдали от различных форм психических расстройств личности, связанных с проявлениями тревожности, депрессивности, биполярного аффективного расстройства, маниакально–депрессивного психоза, шизофрении, аутизма, разных форм зависимостей, в том числе алкогольной.

В журнале «Психиатрические исследования» группа ученых из Швеции опубликовала материалы, согласно которым имеется взаимосвязь между творчеством и отклонениями от психической нормы. Высокий показатель биполярного аффективного расстройства, связанного со сменой и/или одновременным проявлением аффективных (маниакальных и депрессивных) состояний и «светлых» периодов жизнедеятельности, наблюдается у фотографов, танцоров, научных работников и писателей. При этом существует и обратная закономерность: нередко родственники творческих людей подвержены психическим заболеваниям (шизофрении, биполярным расстройствам, анорексии, аутизму и др.).

Психиатры считают, что творческие люди и гении имеют отклонения от нормы в психике, но именно последние способствуют появлению необычных мыслей и видений, умению воображать и слышать голоса, тем самым побуждая к созданию шедевров. Гении своими открытиями перешагивают границы эпохи и нарушают общепринятые шаблоны. Они не способны жить и думать, как среднестатистический человек, поступая парадоксально, высказываясь непонятно и выглядя чужаковато. Если исходить из положения, что изначально каждый человек — гений, то зерно патологии можно обнаружить в каждой личности, что возводит ее в статус инклюзивности, требующей индивидуального подхода.

В заключении подчеркнем следующие моменты.

Приведенный анализ слов инклюзия / инклюзивный, неинклюзивный и эксклюзия / эксклюзивный заставляет по-новому расставить акценты в понимании инклюзивного человека. Не стоит, как нам кажется, трактовать инклюзивных людей только как людей, имеющих отклонения от нормы, то есть инвалидов или людей с ограниченными возможностями здоровья. Во-первых, инклюзия не имеет возраста, пола, национальности, сексуальной ориентации, параметров психофизиологического состояния и других качеств. Во-вторых, *инклюзия как включенность* подразумевает человека–в–бытии / человека бытийствующего, тем самым охватывая все многообразие сфер окружающего мира, в том числе, систему воспитания и образования, трудовую деятельность, коммуникацию, повседневность, сферу быта и досуга. Главное во всех перечисленных сферах — это

состояние *включенности* в процесс / действие, предполагающую заинтересованность, активное участие, отклик на происходящее и желание достичь определенного результата. Другое дело, что включенность в бытийный процесс имеет разные степени интенсивности. В связи с этим, дадим *расширенное понимание инклюзивного человека*. Им может быть *каждый*, кто имеет сохранный интеллект и активно включается в формат текущей современности, проявляя озабоченность ею и интенциональность, и событийствует / *со-бытийствует*, рефлексирова и соучаствуя / со-участвуя, слыша отзвук и находя отклик в ней. В связи с этим, главный акцент в современной системе воспитания и образования связан с формированием инклюзивности как *воли к включенной жизни и желания быть-в-бытии*.

Инклюзивная среда представляет собой синергичную систему, где сложность служит стимулом развития от хаоса к гармонии, позволяя многогранному взаимодействию разнородному, что рождает новое. Благодаря инклюзивной модели культуры стирается оппозиция нормы и патологии, позволяя каждому проявиться в ней. В инклюзивном пространстве учитывается, что каждый человек — неповторимая и уникальная личность со своими интересами, способностями и потребностями, тем более, если речь идет об индивиде с особыми потребностями, что настоятельно требует индивидуального подхода в процессе социализации, обучения и трудоустройства. *Инклюзивная среда*, включая в свое пространство всех без исключения, имеющих сохранный интеллект, игнорирует понятие нормы: в ней признаются и принимаются любые отклонения от нормы (культурной, конфессиональной, психофизиологической и др.), что делает ее весьма привлекательной в современном поликультурном пространстве, переполненном нетипичными людьми. Исключение составляют лица, с отсутствием интеллекта, полностью глухие и слепые. Включенность (инклюзивность) представляет собой такую целостность, полнота которой ведет к существованию единого во многом и многого в едином. В итоге (в идеале) образуется новое пространство, в котором обязательными условиями являются взаимопомощь, содействие, сопереживание.

Список литературы:

1. Гусейнов А. А. Что же мы такое? // Многомерный образ человека: на пути к созданию единой науки о человеке / под ред. Б. Г. Юдина. М.: Прогресс–Традиция, 2007. С. 87–103.
2. Ертанова О. Н. Интеграция и инклюзия в аспекте семантики // Инклюзивное образование: методология, практика, технологии: сборник материалов. М.: МГППУ, 2011. С. 17–18.
3. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Академический проект, 2011. 460 с.
4. Башляр Г. Поэтика пространства. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. 352 с.

References:

1. Guseinov A. A. What are we? Multidimensional image of man: on the way to the creation of a unified science of man. Ed. B. G. Yudin. Moscow, Progress–Tradition, 2007, pp. 87–103.
2. Ertanova O. N. Integration and Inclusion in the aspect of semantics. Inclusive education: methodology, practice, technology: the collection of materials. Moscow, MGPPU, 2011, pp. 17–18.
3. Heidegger M. Being and Time. Moscow, Academic Project, 2011, 460 p.
4. Bachelard G. The Poetics of Space. Moscow, Ad Marginem Press, 2014, 352 p.

*Работа поступила
в редакцию 21.06.2016 г.*

*Принята к публикации
23.06.2016 г.*